

## ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ИССЛЕДОВАНИЙ

УДК 81'25 : 340.113 + 81'276.6 : 34

### ПРАВОВЫЕ ТЕКСТЫ: «ЛОВУШКА» КОРЕФЕРЕНТНОСТИ ОТРАСЛЕВОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ<sup>1</sup>

**С.В. Власенко**

Национальный исследовательский ун-т  
«Высшая школа экономики», Москва

Цель статьи – описание ряда проблем, касающихся правовых текстов высокой сложности восприятия и понимания даже для представителей юридической профессии. Одной из сложностей полагается множественная номинация терминов права, называемая нами терминологической «ловушкой» кореферентности. Это явление ставит перед правоведами, юристами-практиками и юристами-переводчиками нерутинные задачи в сфере двуязычной – англо-русской – профессиональной коммуникации. Примеры из разных отраслей права позволяют аргументировать ряд актуальных теоретических позиций по рассматриваемой проблематике.

**Ключевые слова:** *кореференция, полисинонимия, правовой текст, профессиональная коммуникация, референция, синонимия, юридический перевод, юридическая терминология, язык права*

Язык стремится вырваться из чёткого референционного перехода, создавая ряд семантических структур, соответствующих одной референционной. (Г.Г. Почепцов (мл.), 1982)

Правовые тексты – плотно кодированное пространство

Правовые тексты отличаются общеизвестным свойством – непрозрачностью для смысловосприятия, в особенности для восприятия не-юристов. Это тем характернее, что сами юристы разных поколений признают этот факт как данность [1, с. 120–129; 18; 19, с. 27–31; 24; 25; 27; 30]. Подобная непрозрачность преимущественно относима к сложной номинации объектов права и правоотношений, что традиционно характерно для данной отрасли. Ранее неоднократно отмечалось, что терминологическая система права составляет одну из наиболее специализированных подъязыков научной лексики [5–9], что обусловлено нали-

---

<sup>1</sup> Настоящая статья подготовлена в рамках Индивидуального исследовательского проекта № 10-01-0115 «Правовые тексты: фреймно-сценарные структуры знаний и их вербализация в английском и русском языках», выполненного при поддержке Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ».

чием семантически сложных терминов и их сочетаний, включающих большой корпус единиц, объективирующих узкоспециальные знания либо, напротив, общедисциплинарные, междисциплинарные или метадисциплинарные. В этой связи проблемность трансляции смыслов в рамках межъязыкового взаимодействия предсказуема с большой долей вероятности.

Реальная и потенциальная непонятность, или скорее непонимаемость терминов права разноязычными юристами осложняется отсутствием четких словарных дефиниций; двуязычные словари фактически рядопологают моно- и полилексемные термины языка права – национального права и права англоязычных стран – преимущественно внеконтекстно, прагматические пометы редки и скудны, а источники и временная приуроченность употребления термина не фиксированы [16; 17]. Здесь уместно привести мнение терминоведа В.А. Татарина, справедливо отмечающего «беспомощность» и «бессилие» двуязычных словарей в случае динамического изменения семантической структуры термина. Причины этого терминовед объясняет следующим образом:

«Семантическое развитие языка – сложная синергетическая система взаимодействия внутриязыковых факторов и экстралингвистической действительности, система, которая, по определению, не может быть изоморфна аналогичной системе другого языка» [28, с. 174].

Одной из наиболее заметных проблем восприятия и понимания правовых текстов можно с уверенностью назвать синонимию терминологии, результатом которой является существование столь протяженных синонимических рядов в отраслевых языках вообще, и в языке права в частности, что уже один этот факт обуславливает правомерность рассмотрения явления синонимии как актуальной и, вероятно, первостепенной для смыслопроизводства в контексте профессиональной коммуникации. При этом следует уточнить, что речь преимущественно пойдет не собственно о синонимии, а скорее о полисинонимии как о практике множественной номинации в отраслевых языках на примере языка права [9; 10].

Под полисинонимией языка права понимается его отличительная особенность, отражающая специфику юридического мышления, объективированного посредством параллельного означивания одних и тех же либо близких по смыслу объектов номинации, которые зафиксированы в англоязычной и русскоязычной правовой литературе и массивном юридическом документообороте [37, с. 62–64].

Полисинонимию можно также рассматривать в качестве параллельного, дублирующего, означивания отраслевых реалий и концептов, в результате которого формируются протяженные синонимические ряды терминов, кореферентно связанных по критерию принадлежности к

предметно-референтным областям, равномерность распределения которых внутри этих областей и изоморфность с единицами других языковых кодов нуждается в дальнейшем тщательном изучении. Проблема полисинонимии не относится к проблеме каких-либо отдельных отраслевых субъязыков, ибо это явление можно рассматривать как типичное для обозримого ряда областей профессиональной коммуникации.

#### Синонимия как кореферентность

Синонимичность терминологии трактуется в настоящей статье согласно точке зрения российских лингвистов<sup>2</sup>, в соответствии с которой «в ряде случаев различия между синонимами не могут быть сведены ни к различиям в их толкованиях в собственном смысле слова, ни даже к коммуникативным свойствам, а касаются прагматических и других экстралингвистических условий их употребления, их возможных референтов» [35, с. X]. Следовательно, принципиальным условием для установления семантической близости отраслевой терминологии является ее референционная тождественность (наша точка зрения сопоставима с описанием референционных сочетаемостных ограничений, учитываемых при организации синонимических рядов у Ю.Д. Апресяна [2, с. 540]). Таким образом, терминологические единицы полагаются синонимами, если они соотносимы через референционно тождественное пространство, независимо от того, какую сферу профессиональной коммуникации они представляют. Под терминами-синонимами понимаются термины, описывающие одно понятие, явление, состояние, т.п. в определенной предметной области или, другими словами, соотносимые с одним отраслевым концептом.

Соотносимость с концептом вовсе не очевидна, если исходить из принятой трактовки референта как «объекта мира, реального или мнимого, называемого данной языковой единицей» [4, с. 535]. Вместе с тем, нельзя не согласиться с исследованиями философов языка М.В. Лебедевым и А.З. Черных, которые посвятили совместную монографию анализу онтологических характеристик референциальности, исходя из стремления показать, почему теория референции может являться удовлетворительной теорией значения и какой она должна быть, чтобы предоставлять философскую теорию феномена референциальности [26, с. 340].

Философы языка определяют референцию следующим образом:

«Под референцией обычно понимают вид непосредственной связи языковых выражений с предметом в мире (в узком смысле эта связь может пониматься как характеризующая выражения таким образом, что они, будучи

---

<sup>2</sup> Цитируемая точка зрения составителей Словаря [НОССРЯ 1997] относится к лексемам общелитературного языка, однако она представляется нам применимой к языкам для специальных целей, включающих отраслевую терминологию.

употреблены определённым образом, указывают на один-единственный объект в мире и больше ни на какой)» [цит. раб., с. 5–6].

М.В. Лебедев и А.З. Черных справедливо отмечают, что задача любой теории «не просто указать на определённый характер связи выражений с предметами, но объяснить его, т.е. выявить те факторы в мире, в языке или, быть может, в нас самих, которые обусловили» то или иное положение дел:

«... если смысл референциальной теории значения заключается в том, что имена признаются указывающими на нечто и благодаря этой своей характеристике имеющими значения, то оказывается неважным, на какого типа сущности они указывают. Референциальные, согласно обыденным представлениям, слова и словосочетания не фиксируют (по крайней мере *prima facie*) этих различий: “единорог” как имя грамматически ничем не хуже, чем “бык”; “мысль”, “смысл” – не отличаются грамматически от “стол” и “стул” и т.д.» [цит. раб., с. 7].

«Смысл предложения – выраженная в нем мысль... Это положение, конечно, накладывает на теорию дополнительные онтологические обязательства, поскольку **смысл, в свою очередь, также может быть референтом**<sup>3</sup>: можно утверждать или отрицать нечто о смысле предложения или термина» [цит. раб., с. 23].

Таким образом, М.В. Лебедев и А.З. Черных сделали принципиально важный для нас вывод о том, что референтом может выступать не только внеязыковой объект или предмет, а предмет мысли, смысл и суждение – как истинное, так и ложное.

Уместно сравнить мнение философов языка о референте с близким по пониманию определением референта, которое около полувека назад сформулировано О.С. Ахмановой, понимающей референт как:

«... тот предмет мысли, с которым соотнесено данное языковое выражение, отраженный в сознании элемент объективной реальности как “внутренняя сторона” слова, т.е. как то понятийное содержание, с которым, по законам семантического строения данного языка, устойчиво<sup>4</sup> соотносится данная единица выражения» [36, с. 384].

И «предмет мысли», и в особенности «понятийное содержание» указывают на необязательность материальности объекта, на отсутствие предметности референта, его физического измерения и физической осязательности. Вместе с тем, «элемент объективной реальности» указывает на имплицитное противоречие формулировки О.С. Ахмановой, поскольку объективность определяется не автоматически, а, как известно, является следствием оценочного суждения, выносимого кем-либо по

<sup>3</sup> Шрифтовое выделение автора статьи. – С.В.

<sup>4</sup> Шрифтовое выделение автора цитаты. – С.В.

отношению к чему-либо или в сопоставлении с чем-либо. Спорно и акцентированное учёной слово «устойчиво», поскольку определённая референтная фиксация даже не всегда устойчива при наличии конкретных референтов, соотносимых с именами собственными и их местоименными заместителями, т.е. в идеальном случае одностатусно референтных и предметно референтных именных выражений.

Проиллюстрируем рассматриваемое явление на соположенных англо-русских рядах синонимов<sup>5</sup>, объективирующих понятие «управляющий имуществом должника» через представительные по протяженности синонимические ряды в английском и русском языках.

Пример 1:

*receiver, official receiver, manager in receivership, official assignment, trustee in bankruptcy, bankruptcy trustee, appointed trustee, trustee of bankrupt's estate, liquidator, co-administrator, managing trustee, assignee in bankruptcy, bankruptcy registrar, bankruptcy commissioner* → конкурсный управляющий, официальный правопреемник, ликвидатор, официальный ликвидатор, временный управляющий имуществом должника, управляющий конкурсной массой, управляющий имуществом должника.

Представляется важным рассматривать данное понятие как целое и недискретное, как макросемантему, т.е. элемент плана содержания, имеющий вербализованную форму. При этом становится понятно, что «управляющий» в данном случае каузально «связан» с предметно-референтным пространством:

- во-первых, наличием ситуации банкротства;
- во-вторых, наличием имущества банкрота, для управления которым требуется подготовленный управляющий на следующих условиях:
  - на некоторое время (т.е. временно) и
  - не из числа сотрудников предприятия-банкрота, т.е. внешнего управляющего.

Другими словами, «управляющий имуществом должника» имеет статус внешнего руководителя по отношению к предприятию-банкроту и временного руководителя по периоду управления.

Вследствие сказанного, представляется целесообразным рассмотрение ряда вопросов кореферентности юридических терминов, а именно: соотнесение кореферентно связанных терминов с предметно-референтной областью. Термин «предметно-референтные области» введен Ю.Н. Карауловым и Ю.Н. Филипповичем в их совместной монографии, где описана концептографическая парадигма языковой картины мира. Согласно данной концепции, сегменты знаний в кар-

---

<sup>5</sup> Здесь и далее по тексту англо-русские соответствия приводятся в авторской редакции на основе ряда англо-русских отраслевых словарей, включая [37; 38].

тине мира носителей любого языка репрезентируют предметно-референтные области реальности [22]. Авторы проанализировали структуру лингвокультурного сознания русской языковой личности, что позволило им построить модель ее состояния и функционирования. Ю.Н. Караулов и Ю.Н. Филиппович стремились аргументировать конфигурацию элементарных единиц знаний в языковой картине мира носителя русского языка [цит. раб., с. 152–156].

Украинский лингвист С.И. Терехова, изучавшая типы референции в системе пространственных, временных и других координат на материале украинского, русского и английского языков, перечисляет среди особых групп сложной номинации топонимы и названия профессий [29, с. 25]. Данное мнение совпадает с нашим пониманием вопроса о референции социально-значимых институциональных и статусных наименований, которые мы предложили называть собирательным термином социологемы [11–14]. В самом деле, каким образом можно установить референтное тождество всех перечисленных выше в Примере 1 наименований «управляющий имуществом должника»? Видимо, на основе определенного критерия или критериев. Массив номинативных единиц, обозначающих референтно тождественное понятие, ставит воспринимающего субъекта перед необходимостью признать наличие сложного и многомерного референциального знания, объективированного как моноксемными (однословными), но чаще – полилексемными (несколькословными) лексическими единицами.

#### Референциальные знания и сложные референциальные знания

Американский русист и аналитик дискурса О.Т. Йокояма разработала теорию коммуникативной компетентности и операционную модель общения<sup>6</sup>, в рамках которой ученая дифференцирует несколько типов знаний, среди них – референциальные знания. О.Т. Йокояма считает, что эти знания являются составной частью механизма денотативного кодирования, заложенного в любой языковой системе, и неотъемлемую часть когнитивного аппарата, опосредующего межличностное общение [21, с. 30–43]. О.Т. Йокояма понимает референциальное знание как «знание кода, но не языкового кода вообще, а кода, приписываемого уникальному “пучку свойств”, по которому говорящий или группа говорящих определяют данный уникальный референт» [цит. раб., с. 34]. Вместе с тем, для нас более важным является уточнение, данное ученым-прагматиком этому виду знаний: референциальному знанию, входящему в когнитивное множество человека, можно

---

<sup>6</sup> В официальном переводе монографии указанная модель называется «транзакционной моделью дискурса» [Йокояма 2005].

поставить в соответствие набор пропозиций [цит. раб., с. 35]. Если вернуться к Примеру 1, то становится наглядной идея Т.О. Йокоямы о том, что объект референциального знания – «пучок свойств», известный самому отправителю сообщения как носителю этого знания.

В целях нашего анализа полагаем уместным и конструктивным использовать предложенное О.Т. Йокоямой понятие сложного референциального знания [цит. раб., с. 125]. Приведем пример из правовой сферы, в частности, из гражданского и арбитражного процессов, который позволит проиллюстрировать объект сложного референциального знания. Терминологические ряды для обозначения юридического понятия *групповые иски* (также *коллективные иски*)<sup>7</sup> поддаются определённой онтологической систематизации. Отметим попутно, что в русском языке существует также вариант *классовые иски*, который встречается в научно-правовой литературе, но представляется нам прямым заимствованием. Укажем, что и понятие «групповые иски», и понятие «классовые иски», и понятие «коллективные иски» – это доктринальные понятия, в то время как практикующие юристы преимущественно используют термин *групповые иски*; в СМИ встречаются и два других варианта. Итак, англо-русские терминологические ряды выстраиваются следующим образом (см. пример 2).

Пример 2:

*групповой иск, коллективный иск, классовый иск* → *group action, group litigation*<sup>8</sup>; *class action, class proceedings*<sup>9</sup>; *class suit, class action lawsuit, representative litigation*.

Другими словами, означивание анализируемого правового понятия помимо вариативности демонстрирует заметную лингвоареальную дифференциацию:

- английский за пределами ЕС: *class action, class proceedings* (амер.);
- британский вариант английского: *group action, group litigation* (брит.);
- евроанглийский: *class suit, class action lawsuit, representative litigation*.

---

<sup>7</sup> При рассмотрении понятийной тождественности данного термина и его англоязычных соответствий в обоих вариантах английского языка – британском и американском – были использованы материалы выпускных квалификационных работ по специализации «Судебная власть и организация правосудия», выполненные в 2010/2011 учебном году студентами 4 курса факультета права НИУ ВШЭ Е.И. Черниковой и Л.Н. Кварацхелия.

<sup>8</sup> The UK Civil Procedure Rules, 1998 [URL: [http://www.justice.gov.uk/civil/procrules\\_fin/](http://www.justice.gov.uk/civil/procrules_fin/)].

<sup>9</sup> The Federal Rules of Civil Procedure for the United States District Courts, 2008 [URL: <http://www.law.cornell.edu/rules/frcp/>].

Возможно, если поменять ракурс анализа, перейдя в социолингвистическую парадигму, то можно было бы заметить стремление англоязычных непрерывно изменять принятую номинацию, т.е. «переназывать» объекты, практику, события и ситуации, отбрасывая «устаревшие» смыслы и социокультурные «наросты» и игнорируя принцип номинативной традиции в прежних его реализациях. При этом, однако, становится понятным, что данное стремление не облегчает межъязыковое взаимодействие экспертов, поскольку налицо – плеоназм: *class action lawsuit*. В языке права лексемы *action* и *lawsuit*, в особенности в контексте судопроизводства, имеют одинаковое значение, что в буквальном переводе читается как \*иск о групповом иске, т.е. с выраженной плеонастичностью.

Следующие примеры не менее наглядно иллюстрируют обоснованность нашей точки зрения в отношении использования термина «сложные референциальные знания» (см. пример 3).

Пример 3:

- *to evoke* → истребовать дело из нижестоящего суда в вышестоящий,
- *embezzlement* → нецелевое использование средств,
- *skimming* → установление высокой цены на новый продукт с целью получения большей прибыли на начальном этапе, пока конкуренция недостаточно высока, а затем постепенное снижение цены.

У каждого из приведённых объектов сложного референциального знания есть синонимы:

- *to evoke, issue a certiorari, call up the record of a proceeding for review;*
- *embezzlement, misappropriation, misuse, mishandling, mistreatment / maltreatment / ill-treatment;*
- *skimming, skim pricing, skimming pricing, price skimming*<sup>10</sup>.

«Ловушкой» кореферентности правомерно считать сам факт наличия синонимов у приведённых терминов, поскольку в каждом случае «удвоения», «утроения» и т.п. необходимо приводить вербальные манифестации к референту или референтной области. «Ловушка» кореферентности юридической терминологии обусловлена разными когнитивными структурами, обеспечивающими репрезентацию, хранение в памяти и употребление предметно близких знаний в английском и русском языках.

Нашим представлениям о референции в случаях сложной номинации, коррелирующей с объектами сложного референциального зна-

---

<sup>10</sup> Два последних варианта сходны с конверсивами.

ния, созвучно мнению британского лингвиста У.А. Дейвиса, автора монографии о референции и недескриптивных значениях, полагающего:

«... [неразрешённые] проблемы [теорий референции] Фреге и Рассела приводят к такому пониманию взаимоотношений между значениями [слов] и [их] референтами, при которых они [эти отношения] не характеризуются взаимнооднозначным соответствием, что противоречит требованиям теорий референции. Более того, из теоретических построений Фреге и Рассела следует также и то, что, поскольку референция слов представляет истинностное отношение между словами и предметами [предметным миром], значение выступает как интенциональный феномен, а не как взаимоотношение между словами и предметами»<sup>11</sup> [33, с. 211].

При этом интенциональность, по всей видимости, понимается как выводимость значения через толкование (ср.: «интенциональное толкование – определение через толкование; интенциональное значение – способ определения значений лексических единиц, ориентированный на понятийную область» [34, с. 190]).

Небольшой пример смены предметно-референтной области можно представить в виде «перенаправления» потока рефлексии воспринимающего субъекта, что обуславливает выбор разных атрибутивных единиц – лексем, объективирующих атрибутивное знание [15]. В определённой мере такая «пересадка» или «переналадка» рефлексии проливает некоторый свет на классический вопрос о разнице употребления синонимов и синонимических конструкций, которая кроется не только в стилевых нормах или узусе, а в предметно-референтных областях знаний, в каждой из которых установлены «свои правила игры» в отношении комбинаторики единиц номинации.

Пример 4:

- *основные налоги* → *principal taxes*,
- *основные показатели* → *key indicators*,
- *основные банки* → *major banks*,
- *основная макроэкономическая статистика* → *core macroeconomic data*,
- *основные товары* → *essential goods*.

Для последнего примера из экономической сферы и предпринимательского права *основные товары* наглядна следующая развертка терминологических единиц: русский ряд *товары первой необходимости, предметы первой необходимости, жизненно необходимые товары* передается в английской экономической терминологии следующим си-

---

<sup>11</sup> Перевод наш. – С.В.

нонимическим рядом: *staples, essential commodities, essential goods, first priority goods, essentials, basic essentials, basic necessities, bare essentials*. Отметим органичную взаимозаменяемость каждой единицы приведённого ряда как в английском, так и в русском отраслевом языке торгового (коммерческого) права, экономики, статистики и логистики.

Для наглядности своей точки зрения приведем пример терминологического сочетания из трудового права и экономики труда. В английском ряду синонимов подчеркиванием выделены атрибутивные лексеммы и именные лексеммы в атрибутивной функции, являющиеся доминантами для смысловой реконструкции референтного фрейма из сферы трудового права.

Пример 5:

- **выходное пособие** → *severance pay, severance payment, severance wage, severance allowance, severance compensation, dismissal allowance, dismissal wage, dismissal pay, dismissal payment, redundancy pay, terminal wage, termination benefit, termination pay, lay-off pay, separation pay, separation payment*.

Как следует из примера, первый атрибутивный вариант в приведённых терминологических сочетаниях является реальным носителем семантемы «прекращение трудовых отношений между работодателем и работником». Заметим, что под выходным пособием понимается «компенсация, выплачиваемая сотруднику, с которым администрация предприятия (организации) прекращает трудовые отношения в связи с сокращением штатов, досрочным расторжением или истечением срока трудового договора и т.п.<sup>12</sup>. Важно отметить, что при наличии контекста, детализирующего необходимость указания причины окончания трудовых отношений между работником и его работодателем, что в свою очередь определяет размер пособия, выбираются разные терминологические единицы. Иными словами подчеркнутые лексеммы являются носителями каузальной корреляции, семантическая валентность которой устанавливается посредством «выхода» на референционную ситуацию.

Ощущение «ловушки» оправдывает метафоричность предложенного нами названия статьи всякий раз, когда правовые тексты обнаруживают факты множественной номинации одного и того же референта. Приведем пример из сферы семейного права (см. пример 6).

Пример 6:

- **опека; опекунство, попечение, попечительство, патронаж** → *trusteeship custodianship, custody, guardianship, tutorship, tutelage, patronage*.

---

<sup>12</sup> На основе [38].

Обманчивость однословных, моноксемных, означиваний «ловит» неискушенных коммуникантов, не подозревающих о том, что ни опека, ни попечение, ни остальные единицы ряда не соотносимы с референтом, а скорее указывают на фреймно-сценарную организацию знаний и их хранение в памяти в формате референтного фрейма или референтной ситуации (подробнее об этих форматах см.: [17]).

Вопрос о тождественности референта или референтной ситуации в переводческом и текстологическом контексте тесно связан с вопросом об инварианте. Здесь уместно мнение Ю.Д. Апресяна о «семантической инвариантности выражений, построенных на основе предикатов одного семантического гнезда (*Он защищал меня = Он был моим защитником = Я был его подзащитным*) [3, с. 147].

Наличие абстрактных понятий и обозначающих их терминов в субъязыках науки и техники, включая право, закономерно. Вполне очевидно также, что подобные термины независимо от своей структуры, т.е. объективированной «длинноты», соотносятся не с отдельным референтом, а с целой референтной ситуацией, представляя фактически сжатую пропозицию. Например, терминологическое единство «разделение опеки над ребенком между разведёнными родителями» (в этой ситуации ребенок переходит от одного родителя к другому через определённые промежутки времени) в английском языке права передаётся одним из следующих трех терминосочетаний: *alternating custody*, *split custody* и *divided custody*. Меняется лишь атрибутивный компонент. Внешне структура вовсе не выглядит осложнённой. Тем не менее, кореферентность трех терминологических единиц далеко не самоочевидна для не-англоязычных, а также и для англоязычных, не являющихся юристами и не связанных с семейным правом. Во-первых, понятие само по себе – единица сложной номинации, объективирующая, используя термин О.Т. Йокоямы, сложное референционное знание. Во-вторых, интериоризация этого понятия связана не только с пониманием «границ» усвояемого объекта знания, но и с соотношением его в экстенционалом, а в контексте нашего анализа – на двух непересекающихся языковых кодах. Это возможно посредством «переноса» понятия через межъязыковое пространство внутренней речи (по Н.И. Жинкину). Именно такого рода «перенос» позволяет эксплицировать дескрипция: «разделение опеки над ребенком между разведёнными родителями, что позволяет каждому из них заботиться о ребенке в рамках фиксированных судом периодов времени». Понятно, что равноценным эквивалентом такую экспликацию признать трудно: здесь речь должна идти о развернутой пропозиции, референтной сценарию как одному из единиц репрезентации знания.

Подобный «перенос» как нельзя лучше иллюстрирует ставшее классическим утверждение Н.И. Жинкина о том, что «структура сужде-

ния как единица мышления не совпадает со структурой предложения как единицей языка» [20, с. 146]. И хотя в рассмотренном случае речь не идет о предложении, но наличие свернутой пропозиции, объективированной в анализируемом термине, отрицать трудно. Эти и множество других примеров говорят об устойчивости рассматриваемого явления как свойства лексической структуры отраслевых субъязыков, что, правда, не облегчая выработку алгоритма действий в связи с анализом непредметных смысловых сущностей.

Анализ референциальности не может не включать соотносительности текстовых реализаций с определенными событиями, в нашем случае с событиями, протекающими в разнообразных предметно-деятельностных контекстах. Событие как единица отражения актуального знания, несмотря на серьезные наработки В.Я. Шабеса [31; 32] и ряда других, преимущественно зарубежных, лингвистов, еще не стало единицей референциального континуума знаний, соотносимого с текстом или его фрагментом. Другими словами, наш поиск равноценного русскоязычного эквивалента для трёх внешне не претенциозных английских терминосочетаний стал походить на поиск приемлемого вывода, умозаключения, что обусловлено сложностью и многомерностью объекта номинации – референтным сценарием на едином континууме экзистенциальных и профессиональных знаний. Предлагая термин «референтный сценарий», мы исходили из необходимости объяснения механизма соотносительности объектов сложного референциального знания с алгоритмами его вербализации. Нам представляется близким понятие М.П. Котуровой «эпистемическая ситуация», которую пермский лингвист рассматривала в качестве основной единицы смысла научного текста [23, с. 36–40].

Представляется, что установление, или идентификация, предметно-деятельностного контекста (в терминах теории речевой деятельности) или предметно-референтной области (в терминах лингвокультурологии и психосемантики, термин Ю.Н. Караулова, Ю.Н. Филипповича), уже само по себе – гарантия сближения смысловых векторов взаимодействующих юристов. Кроме того, правильно определенная, референтная область сразу дает возможность экспертам варьировать средства объективации тех смысловых конструктов, которые они транслируют друг другу.

В заключение отметим, что референциальный статус языковых знаков правового текста – прямое следствие языковой конвенции, т.е. ситуации действующего внутриотраслевого «соглашения» об их использовании между членами экспертно-правового сообщества.

#### **Список литературы**

1. Алисиевич Е.С. Толкование норм Конвенции Совета Европы о защите прав человека и основных свобод как правомочие Европейского суда по правам человека : дис. ... канд. юрид. наук / РАН. Ин-т государства и права. – М., 2006. – 150 с.
2. Апресян Ю.Д. Английские синонимы и синонимический словарь [Текст] / Ю.Д. Апресян // Англо-русский синонимический словарь / Сост. Ю.Д. Апресян, В.В. Ботякова, Т.Э. Латышева и др. – М.: Русский язык, 1979. – С. 500–543.
3. Апресян Ю.Д. Избранные труды в 2-х т. [Текст] / Ю.Д. Апресян. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – Том I: Лексическая семантика. Синонимические средства языка. – 472 с.
4. Апресян Ю.Д. Исследования по семантике и лексикографии. – Т.1: Парадигматика [Текст] / Ю.Д. Апресян. – М.: Языки славянских культур, 2009. – 568 с.
5. Власенко С.В. Перевод юридического текста: когнитивные особенности номинации и реалии-профессионализмы в языковой паре английский–русский [Текст] / С.В. Власенко // Филологические науки в МГИМО : сб. науч. тр. № 21 (36). – М.: Изд-во МГИМО-Ун-т, 2005. – С. 108–118.
6. Власенко С.В. Методы перевода отраслевых реалий в финансово-экономической и юридической областях (языковая пара английский–русский) [Текст] / С.В. Власенко // Актуальные проблемы преподавания практического курса перевода в вузе : материалы межвуз. науч.-практич. конф. (19 мая 2004 г., перевод. ф-т Академии ФСБ России). – М.: АФСБ РФ, 2005. – С. 122–134.
7. Власенко С.В. Договорное право: практика профессионального перевода в языковой паре английский–русский [Текст] / С.В. Власенко = Vlasenko, Svetlana. Contract Law: Professional Translation Practices in the English–Russian Language Pair : учебник для юрид. и лингв. вузов. – М.: Волтерс Клувер, 2006. – 320 с.
8. Власенко С.В. Перевод в сфере профессиональной коммуникации в условиях синонимии и полисинонимии отраслевой терминологии (англо-русский сопоставительно-переводческий анализ) [Текст] // Внутренний мир и бытие языка: процессы и формы : материалы II межвуз. науч. конф. (фак-т ин. яз. ВУ МО РФ, Москва, 17 июня 2008 г.). – М.: Книга и бизнес, 2008. – С. 96–106.
9. Власенко С.В. Лингвоправоведение: проблема множественной номинации юридических терминов [Текст] / С.В. Власенко // Третьи всерос. Державинские чтения (Москва, 14–15 декабря 2007 г.) : сб. ст. в 8 кн. / кн. 8 / РПА Минюста России. – М. 2008. – С. 48–52.
10. Власенко С.В. Синонимия и полисинонимия как феномен избыточности терминологических систем отраслевых субъязыков: англо-русские переводческие сопоставления [Текст] // Стереотипность и

- творчество в тексте : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Е.А. Баженовой; Перм. гос. ун-т. – Пермь, 2009. – Вып. 13. – С. 279–292.
11. Власенко С.В. Социологемы – комплексные наименования социально-экономических институтов и внутриведомственных должностей (англо-русские сопоставления) [Текст] / С.В. Власенко // Актуальные проблемы изучения комплексных языковых знаков : материалы междунар. науч. конф. (Моск. гос. лингвист. ун-т, 22–23 апреля 2009 г.). – М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2009. – С. 32–34.
  12. Власенко С.В. Социолингвистические аспекты перевода: англо-русские переводческие сопоставления *социологем* – фразовых номинативных комплексов, обозначающих социально-экономические институты и социально-статусные реалии [Текст] / С.В. Власенко // Язык, сознание, коммуникация: сб. ст. / отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2009. – Вып. 37. – С. 41–54. [http://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/jsk\\_37.pdf](http://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/jsk_37.pdf)
  13. Власенко С.В. Лабиринты речезыкового кодирования социального статуса коммуникантов: англо-русские сопоставления *социологем* и *социологемных рядов* [Текст] / С.В. Власенко // Язык и сознание: психолингвистические аспекты : сб. ст. / под ред. Н.В. Уфимцевой, Т.Н. Ушаковой. – М.-Калуга: ИП Кошелев А.Б. (Изд-во «Эйдос»), 2009. – С. 139–157.
  14. Власенко С.В. Концептуальные границы английских собирательных социологем в аспекте англо-русского перевода [Текст] / С.В. Власенко // Языковые измерения: пространство, время, концепт : материалы IV междунар. науч. конф. по актуальным проблемам теории языка и коммуникации : ст. и докл. участн. конф. в 2-х тт. / под ред. Н.В. Иванова (фак-т ин. яз. Военного ун-та МО РФ, Москва, 2 июля 2010 г.). – М.: Книга и бизнес, 2010. – Том II. – С. 280–291.
  15. Власенко С.В. Текст как объект референции [Текст] / С.В. Власенко // Вопр. психолингвистики. – Вып. 1 (11). – 2010. – С. 115–132. <http://iling-ran.ru/library/voprosy/11.pdf>
  16. Власенко С.В. Референция и референциальность в межъязыковом переводе [Текст] / С.В. Власенко // Вестник Московского университета. – Сер. 22. Теория перевода. – 2010. – Вып. 4. – С. 3–28.
  17. Власенко С.В. Отраслевая транслатология: юридический перевод в аспекте кореферентности терминов права [Текст] / С.В. Власенко // Вопр. филологии. – 2011. – № 3 (в печати).
  18. Гамзатов М.Г. Техника и специфика юридического перевода [Текст] / М.Г. Гамзатов. — СПб., 2004. — 184 с.
  19. Евинтов В.И. Многоязычные договоры в современном международном праве [Текст] / В.И. Евинтов ; АН УССР. Ин-т государства и права. – Киев: Наукова Думка, 1981. – 136 с.

20. Жинкин Н.И. О кодовых переходах во внутренней речи [Текст] / Н.И. Жинкин // Жинкин Н.И. Язык – речь – творчество. – М.: Лабиринт, 1998 [1964]. – С. 146–162.
21. Йокояма О.Т. Когнитивная модель дискурса и русский порядок слов / Авторизованный пер. с англ. Г.Е. Крейдлина [Текст] / О.Т. Йокояма. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 424 с.
22. Караулов Ю.Н., Филиппович Ю.Н. Лингвокультурное сознание русской языковой личности. Моделирование состояния и функционирования [Текст] / Ю.Н. Караулов, Ю.Н. Филиппович. – М., 2009.
23. Котюрова М.П. Стилистика научной речи : учеб. пособие [Текст] / М.П. Котюрова. – М., 2011. – 240 с.
24. Крюкова Е.А. Язык и стиль законодательных актов : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / РАГС при Президенте РФ. – М., 2003. – 22 с.
25. Куницын А. Естественное право. В 2-х кн. [Текст] / А. Куницын. – СПб.: Типография И. Ионнесова, 1818. – 316 с.
26. Лебедев М.В., Черняк А.З. Онтологические проблемы референции [Текст] / М.В. Лебедев, А.З. Черняк. – М.: Праксис, 2001. – 344 с. (Серия «Философские исследования»).
27. Перетерский И.С. Сделки, договоры [Текст] / И.С. Перетерский // Гражданский Кодекс РСФСР. Научный комментарий (с учетом гражд. код. Союзных республик) / Под ред. С.М. Прушицкого, С.И. Раевича / Ин-т Советского права РАНИОН. – Вып. V. – М.: Юридич. Изд-во НКЮ РСФСР, 1929. – 84 с.
28. Татаринов В.А. Методология научного перевода: К основаниям теории конвертации [Текст] / В.А. Татаринов. – М.: Московский Лицей, 2007. – 384 с.
29. Терехова С.И. Типи референції в системі просторових, часових і особових координат (на матеріалі українськоп, російськоп та англійськоп мов) : монографія [Текст] / С.И. Терехова. – Кипв: КСУ : Альфа Реклама, 2010. – 338 с. (на укр. яз.)
30. Федотова И.Г., Толстопятенко Г.П. Юридические понятия и категории в английском языке : учеб. пособие. – 3-е изд., перераб. и доп. [Текст] / И.Г. Федотова, Г.П. Толстопятенко. – Дубна: Феникс, 2006. – 376 с.
31. Шабес В.Я. Событие и текст [Текст] / В.Я. Шабес. – М.: Высшая школа, 1989. – 175 с.
32. Шабес В.Я. Соотношение когнитивного и коммуникативного компонентов в речемыслительной деятельности. Событие и текст : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Л.: ЛГУ, 1990. – 32 с.
33. Davis, W.A. Nondescriptive Meaning and Reference: An Ideational Semantics / W.A. Davis. – Oxford: Oxford University Press, 2005. – xiii, 450 p.

Словарно-энциклопедические издания

34. АРСЛС 2001: Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике / Авт.-сост. Баранов А.Н., Добровольский Д.О., Михайлов М.Н., др. Изд. 2-е. М.: Азбуковник, 2001. – 626 с.
35. НОССРЯ 1997: Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Авт.-сост. Ю.Д. Апресян, О.Ю. Богуславская, И.Б. Левонтина и др. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – Том I.
36. СЛТ 1996: Словарь лингвистических терминов / Авт.-сост. О.С. Ахманова. – М.: Изд-во «Советская Энциклопедия», 1966. – 608 с.
37. ТППСПК 2006: Власенко С.В. Теория и практика перевода в сфере профессиональной коммуникации: толковый словарь [Текст] // С.В. Власенко. Договорное право: практика профессионального перевода в языковой паре английский–русский : учебник по специальности «Юрист–переводчик». – М., 2006. – С. 20–100.
38. АBBYУ 2006: АBBYУ LINGVO 12: Electronic Multilingual Dictionary. – АBBYУ Software Ltd., 2006. [www.Lingvo.ru](http://www.Lingvo.ru)

## **LAW TEXTS: CO-REFERENCE “TRAP” ENCLOSING DOMAIN-SPECIFIC TERMINOLOGY**

**S.V. Vlasenko**

National Research University “Higher School of Economics”, Moscow

This article aims at describing several challenges typical of legal texts remarkably complicated for perceiving and comprehending even within the legal profession. One of the challenges associated with legal texts comprehension appears to be an interdisciplinary phenomenon attributable to languages for special purposes at large – multiple alternative nomination which we name the terminological co-reference “trap”. Legalists, legal practitioners and legal translators when confronted with the said phenomenon in the English–Russian interaction have to fix non-routine communication gaps. Examples drawn from various legal branches allow for validating a few theoretical assumptions regarding the issues under analysis.

**Keywords:** *co-reference, domain-specific knowledge, law terminology, legalese, legal text, legal translation, polysynonymy, professional communication, reference, synonymy.*

*Об авторе:*

ВЛАСЕНКО Светлана Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка при факультете права Национального исследовательского ун-та «Высшая школа экономики» при Правительстве РФ (НИУ ВШЭ), e-mail: [svetsign@stream.ru](mailto:svetsign@stream.ru)